

О НЕОБХОДИМОСТИ ИНСТИТУТА ОХРАНЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР В СИСТЕМЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

© 2021 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 25.04.2021 г.

Аннотация. В системе хозяйственного (позднее — предпринимательского) права, будь то отрасль права, отрасль законодательства, отрасль правовой науки либо учебная дисциплина, содержался институт защиты хозяйственных (предпринимательских) прав, который позже обособился в отрасль науки, законодательства и учебную дисциплину, именуемую «Арбитражный процесс». Однако института охраны хозяйственных (предпринимательских) прав не было ранее, нет и сейчас, практически отсутствуют научные проработки данной темы. В статье с целью определиться в главном предлагается различать эти два института по базовым положениям: защита прав — это принятие организационно-правовых и иных мер по восстановлению уже нарушенных прав, а охрана — это разработка и реализация комплекса мероприятий превентивного характера, препятствующего нарушению прав предпринимательской структуры. По мнению автора, в первом приближении составляющие института охраны прав в системе предпринимательского права — это: общее несовершенство законодательства о предпринимательстве; неполная правосубъектность ряда видов предпринимательских структур, а то и ее полное отсутствие в соответствующем правовом поле; физическая защита самой структуры, ее собственников, руководителей и иных лиц; реальная возможность рейдерского захвата; выбор и тщательная проверка необходимого предпринимательской структуре коммерческого партнера, а также глубокая, по возможности, проверка надежности поступающих на работу в структуру «ключевых» работников и иных специалистов; обеспечение компьютерной безопасности во всей сфере жизнедеятельности структуры; опасность перевода экономического спора в уголовно-правовую плоскость; страхование предпринимательских рисков.

Ключевые слова: предпринимательское право, охрана предпринимательских прав, предупреждение предпринимательских правонарушений.

Цитирование: Клеандров М.И. О необходимости института охраны прав предпринимательских структур в системе предпринимательского права // Государство и право. 2021. № 8. С. 7–20.

DOI: 10.31857/S102694520016386-5

ON THE NECESSITY OF THE INSTITUTE OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF BUSINESS STRUCTURES IN THE SYSTEM OF BUSINESS LAW

© 2021 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 25.04.2021

Abstract. The system of economic (later – entrepreneurial) law, whether it was a branch of law, a branch of legislation, a branch of legal science or an academic discipline, contained an institute for the protection of economic (entrepreneurial) rights, which later became a branch of science, legislation and an academic discipline called “Arbitration process”. However, there was no institute for the protection of economic (entrepreneurial) rights before, and there is still no scientific study of this topic. In the article, in order to determine the main thing, it is proposed to distinguish these two institutions by basic provisions: the protection of rights is the adoption of organizational, legal and other measures to restore already violated rights, and protection is the development and implementation of a set of preventive measures that prevent the violation of the rights of an entrepreneurial structure. According to the author, in the first approximation the components of the institution of protection of rights in the system of Business Law are: the general imperfection of the legislation on entrepreneurship; incomplete legal personality of a number of types of business structures, or even its complete absence in the relevant legal field; physical protection of the structure itself, its owners, managers and other persons; the real possibility of raider seizure; selection and thorough verification of the commercial partner necessary for the business structure, as well as deep, if possible, verification of the reliability of “key” employees and other specialists entering the structure; ensuring computer security in the entire sphere of the structure’s life; the danger of transferring an economic dispute to the criminal-legal plane; insurance of business risks.

Key words: Business Law, protection of business rights, prevention of business offenses.

For citation: Kleandrov, M.I. (2021). On the necessity of the institute of protection of the rights of business structures in the system of Business Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 7–20.

Представляется необходимым рассмотреть в целях определения в главном: в чем различие между устоявшимся в системе науки предпринимательского права институтом защиты, с одной стороны, и предлагаемым автором данной статьи институтом охраны предпринимательских прав, с другой стороны.

В работе основоположника современной концепции хозяйственного права (предпринимательского) В.В. Лаптева «Предмет и система хозяйственного права» ни в системе хозяйственного права как отрасли права, ни в системе науки хозяйственного права институт защиты хозяйственных прав не представлен, правда, присутствуют в обеих системах, в общих их частях, институты ответственности за результаты хозяйственной деятельности и разрешения хозяйственных споров, а в последнем добавлен и институт организации правовой работы в народном хозяйстве¹. А эти институты можно рассматривать и ныне в качестве важных составляющих института защиты хозяйственных (предпринимательских) прав в системе названной отрасли права.

Но уже в проекте Основных положений Хозяйственного кодекса СССР 1970 г., разработанного сектором хозяйственного права и проблем управления промышленностью Института государства и права АН СССР в соответствии с решением Секции общественных наук Президиума АН СССР от 4 апреля 1969 г. № 9, институт защиты хозяйственных прав был представлен в развернутом виде. Раздел XIII этого документа так и именовался «Защита хозяйственных прав» (авторская разработка

Т.Е. Абовой) и включал гл. 63–70: «Общие положения о защите хозяйственных прав»; «Защита хозяйственных прав в претензионном порядке»; «Давность в хозяйственных отношениях»; «Защита хозяйственных прав арбитражем»; «Защита хозяйственных прав третейским судом»; «Защита хозяйственных прав судом»; «Защита хозяйственных прав органами хозяйственного руководства»; «Защита прав участников внутрихозяйственных отношений».

Правда, в Основных положений хозяйственного законодательства Союза ССР и союзных республик (в первоначальном проекте Основных положений) 1975 г. и в одноименных Основных (проспекте закона) 1975 г. содержался уже несколько отличный комплект составляющих института защиты хозяйственных прав. Так, в первом документе в разд. XII «Защита хозяйственных прав», содержащем ст. 98–109, значились: «Порядок защиты хозяйственных прав»; «Порядок признания недействительными актов хозяйственного руководства, противоречащих законодательству»; «Претензионный порядок защиты хозяйственных прав»; «Арбитраж»; «Виды арбитража»; «Разграничение компетенции между государственным и ведомственным арбитражем»; «Защита хозяйственных прав третейским судом»; «Хозяйственные споры, разрешаемые органами хозяйственного руководства»; «Защита хозяйственных прав в бесспорном порядке»; «Порядок разрешения внутрихозяйственных споров»; «Давность в хозяйственных отношениях»; «Исполнение обязанности по окончании срока давности».

Но в постсоветском проекте Предпринимательского кодекса РФ 1995 г., разработанном в соответствии с научно-исследовательской программой «Пути и формы укрепления Российского

¹ См.: Лаптев В.В. Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 143, 146.

государства», утвержденной Указом Президента РФ от 29 апреля 1994 г. № 848², разделов, глав и статей, посвященных именно защите предпринимательских прав, не было. Содержался развернутый разд. 10 «Ответственность в предпринимательских отношениях» (ст. 321–330), а также в гл. 35 разд. 9 «Инвестиционная деятельность» содержалась краткая формулировка ст. 319 «Защита иностранных инвестиций».

Важным представляется отметить: в советский период общепринятой была обязательственность для участников хозяйственных органов защищать свои права и законные интересы. Как, кстати, и для нарушителя этих прав и интересов – их восстанавливать. Так, в ст. 98 «Порядок защиты хозяйственных прав» названного выше первоначально проекта Основ хозяйственного законодательства Союза ССР и союзных республик прямо указывалось: «Участник хозяйственного отношения, нарушивший права и законные интересы другого участника, обязан восстановить их по собственной инициативе. Участник хозяйственного отношения, чьи права и законные интересы нарушены и не восстановлены добровольно, принимает установленные настоящими Основами меры по защите своих прав: применяет оперативно-хозяйственные санкции, обращается с претензией к участнику хозяйственного отношения, нарушившему его права, а при необоснованном отказе в удовлетворении претензии или оставлении ее без ответа – в арбитраж, третейский суд, вышестоящий или иной орган, которому подведомствен спор; в случаях, установленных законодательством выдает распоряжение на списание денежных средств со счетов обязанных хозяйственных органов в учреждениях банков (бесспорный порядок)».

При этом разъяснялось: «Хозяйственные права защищаются путем признания наличия или отсутствия этих прав; установления, изменения и прекращения хозяйственных отношений; восстановления положения, существовавшего до нарушения прав; пресечения действий, нарушающих право; понуждения к исполнению обязанности; применения установленных мер ответственности и иными предусмотренными законодательством способами».

Соответственно, в научной юридической литературе того периода проблематике защиты хозяйственных прав уделялось значительное внимание. В Библиографическом указателе «Советское хозяйственное право» 1959–1979 гг. в разд. VIII «Защита хозяйственных прав и разрешение хозяйственных споров» приведен 101 источник³.

² См.: СЗ РФ. 1994. № 2, ст. 84.

³ См.: Советское хозяйственное право. Библиографический указатель (1959–1979). Донецк, 1980. С. 113–123.

В то же время указывалось на «беззащитность» многих прав предприятий, объединений, их подразделений и даже органов хозяйственного руководства в сфере планирования, организации материально-технического снабжения, распоряжения материальными и финансовыми ресурсами и т.п., не раз обращалось внимание в юридической литературе. Хозяйственное право содержит значительно больше норм, обеспечивающих нормальный ход развития права, чем его восстановление, понуждение к исполнению обязанностей и наказание за их неисполнение. Указывалось на неэффективность законодательства, предусматривавшего средства и способы защиты прав субъектов хозяйственных отношений, на важность его совершенствования, на необходимость обеспечить адекватность форм, методов и способов защиты характеру правоотношений, их субъектному составу⁴.

Сказанное свидетельствует – институт защиты хозяйственных прав и интересов – это механизм многофакторной защиты этих прав и интересов в случае (после) их нарушения, включающий в себя и восстановление прав и интересов после нарушения. В него можно было бы включить и институт ответственности в хозяйственных отношениях, и институт правовой работы в народном хозяйстве.

Но охрана хозяйственных прав – это принципиально иное, несмотря на высказанное тогда А.А. Шохиним мнение, согласно которому совпадающие в этимологическом смысле понятия «охрана» и «защита» тождественны и не могут противопоставляться в формально-юридическом смысле⁵. Действительно, противопоставляться не могут, да и нет в этом необходимости. А что касается этимологического смысла, то в Словаре русского языка С.И. Ожегова понятие «охрана» раскрывается через слово «охранять», т.е. оберегать, стеречь, а понятие «защита» – через слово «защищать», т.е. оградить от посягательств, от враждебных действий⁶.

Следовательно, охрана хозяйственных прав это совокупность мероприятий превентивного характера обеспечивающих охрану ненарушенных прав, а «содержание института защиты права составляет правоприменительная деятельность, осуществляемая в формах и способами, установленными законом, в целях восстановления нарушенного

⁴ См.: Хозяйственное право. Общие положения / под ред. В.В. Лаптева. М., 1983. С. 256.

⁵ См.: Шохин А.А. Хозяйственно-правовая охрана имущества производственных объединений в промышленности СССР. Горький, 1977. С. 745.

⁶ См.: Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов. М., 1975. С. 210, 444, 445.

права и интереса, воздействия на правонарушителя и предупреждения правонарушений в будущем»⁷.

При этом следует отметить, что перечисленные выше формы разрешения хозяйственных прав путем разрешения хозяйственных споров были неполны, одних органов, разрешающих в тот период хозяйственные споры в рамках собственной юрисдикции, насчитывалось 11, и они не были консолидированы в каком-либо едином акте⁸. Сам же механизм защиты хозяйственных прав и законных интересов социалистических органов имеет давнюю историю; впрочем, и в Российской Империи коммерческие суды эту защиту эффективно обеспечивали.

Одновременно следует подчеркнуть очевидный для юристов факт: не только защита, но и охрана хозяйственных прав в экономике социалистического периода хозяйствования была заботой (даже прямой обязанностью) государства – в лице его соответствующих правоохранительных органов. Чему есть прямое подтверждение: за хищение социалистической собственности уголовным законодательством была установлена более строгая ответственность, чем за хищение собственности личной.

Соответствующим образом образовалась, начала бурно развиваться и обособляться специальная, предназначенная для обеспечения защиты хозяйственных прав процессуально-правовая отрасль – арбитражный процесс. Характерно, что после радикальной реформы государственной системы аттестации кадров высшей научной квалификации 1975 г. в классификаторе научных специальностей по праву значилась специальность 12.00.04 «Хозяйственное право» без всякой процессуальной составляющей (автор этих строк одним из первых после названной реформы защитил в 1976 г. кандидатскую диссертацию по специальности именно в такой формулировке). Правда, в паспорте этой специальности элементы механизма защиты хозяйственных прав присутствовали. Но уже в 1978 г. к формуле специальности 12.00.04 ввели добавление, и она стала именоваться как «Хозяйственное право; арбитражный процесс». Что, впрочем, все формы, способы и методы защиты хозяйственных прав не охватывало.

В Российской Федерации ситуация кардинально изменилась. В ст. 2 ГК РФ (п. 1) закреплено следующее предписание: «Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами,

⁷ Хозяйственное право. Общие положения / под ред. В.В. Лаптева. С. 266.

⁸ См. подр.: Клеандров М.И. Разрешение хозяйственных споров в агропромышленных и территориально-производственных комплексах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987. С. 315–387.

осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг»⁹. Ключевым здесь является указание на то, что предпринимательская деятельность осуществляется на свой риск. Разумеется, если права и/или законные интересы субъекта предпринимательской деятельности нарушены, то государство – в лице своих органов – приходит на помощь посредством защиты этих прав, оно обязано это делать, иначе – зачем оно? Но что касается охраны предпринимательских прав...

Здесь очевидно: государство не обязано ее обеспечивать – это явно дело и забота самого субъекта предпринимательской деятельности. Может быть, поэтому в современной библиографии «Предпринимательское право России»¹⁰ в разд. V «Защита предпринимателей» есть гл. 29 «Охрана и защита прав предпринимателей», в подразделах которой сгруппированы монографии, диссертации и авторефераты, статьи и сборники статей, но наличествует лишь одна работа, в названии которой содержится слово «охрана», да и та посвящена сравнению российских институтов охраны и защиты прав предпринимателей с английскими¹¹. Притом, что научные исследования, посвященные правовой работе в сфере предпринимательства, размещены в другой, 30-й, главе этой библиографии.

В Российской Федерации структуру системы предпринимательского права с содержанием в ней института защиты предпринимательских прав можно усмотреть в соответствующей учебной литературе, где, как известно, содержатся устоявшиеся в науке положения.

Так, например, в учебнике (2008 г.) разд. IV «Защита прав и интересов предпринимателей» представлена двумя главами: «Досудебный порядок защиты...» и «Судебный порядок защиты...»¹². В другом учебнике (2019 г.) гл. 26 «Защита прав предпринимателей» содержит разделы: «Способы защиты прав предпринимателей»; «Претензионный порядок урегулирования споров»; «Защита прав субъектов предпринимательской деятельности

⁹ См.: СЗ РФ, 1994. № 32, ст. 3301; 2021. № 27 (ч. 1), ст. 5053.

¹⁰ Предпринимательское право России: библиография: учеб.-метод. пособие / отв. ред. Е.П. Губин, Ю.С. Харитонов. М., 2019.

¹¹ См.: Агеева Е.Ш. Институт охраны и защиты прав предпринимателей: сравнительно-правовое исследование законодательств России и Англии. М., 2015.

¹² Попондопуло В.Ф. Коммерческое (предпринимательское) право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 443–482.

органами исполнительной власти и в порядке прокурорского надзора»; «Уполномоченный по защите прав предпринимателей»; «Федеральная антимонопольная служба России (ФАС РФ)»; «Альтернативный способ разрешения споров: медиация»; «Альтернативный способ разрешения споров: третейские суды»; «Рассмотрение дел арбитражными судами»¹³.

А в некоторых учебниках предпринимательского права институт защиты предпринимательских прав вообще не представлен¹⁴. Что, по всей видимости, можно объяснить взглядом составителей учебников на доминирование в механизме защиты предпринимательских прав отдельной отрасли права — арбитражного процесса.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать: институт защиты хозяйственных — прежде, а ныне — предпринимательских прав и законных интересов — это организационно-правовой механизм, обеспечивающий восстановление нарушенных прав и интересов предпринимательских структур, причем различными способами, методами и в разных формах. В первую очередь посредством арбитражных судов, а также на досудебных стадиях и внесудебными формами. В него следует включить специализированные подразделения предпринимательских структур — их юридические подразделения. А в широком плане сама защита хозяйственных (предпринимательских) прав обеспечивается такой формой деятельности, как правовая работа в народном хозяйстве, осуществляемая более широким кругом работников предпринимательской структуры, чем юридическая служба. И ключевой критерий здесь, отделяющий защиту хозяйственных (предпринимательских) прав от охраны этих прав, — это то, что в первом случае речь идет (должна идти) о правах уже нарушенных и нуждающихся, почти всегда с точки зрения предпринимательской структуры, чьи права и интересы нарушены, в защите, в их восстановлении, а во втором случае — о правах еще не нарушенных, но в силу тех или иных причин могущих быть нарушенными, т.е. здесь речь идет о необходимости мер превентивно-профилактического характера.

Каковы в авторском представлении и в самом первом приближении составляющие необходимого экономике института охраны прав предпринимательских структур? Безусловно, они значительно различаются в зависимости от отрасли экономики и субъекта Российской Федерации, где хозяйствует

¹³ Предпринимательское право: учеб. / отв. ред. Р.А. Курбанов. М., 2019. С. 794–812.

¹⁴ См., напр.: Предпринимательское (хозяйственное) право: учеб. / под ред. В.В. Лаптева, С.С. Занковского. М., 2006; Российское предпринимательское право: учеб. / отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. 4-е изд. М., 2012.

конкретная предпринимательская структура; от их организационно-правовой формы, от их экономической «мощи»; от понимания их владельцами и/или руководителями необходимости разработки и реализации комплекса мероприятий, направленных на обеспечение надежной охраны прав предпринимательской структуры, и от множества иных факторов.

Одновременно можно провести различия между составляющей механизма охраны, недостатки которой мало зависят (или совсем не зависят) от предпринимательской стороны, с одной стороны, и составляющей этого механизма, эффективность разработки которого и его эффективность реализации в доминирующей мере зависят от самой предпринимательской структуры, — с другой. К первой группе относятся: а) общее несовершенство предпринимательской структуры; б) это же несовершенство, «сфокусировавшееся» на отсутствии, практически полном, правосубъектности отдельных видов предпринимательских структур. Это первая группа составляющих.

Общее несовершенство законодательства о предпринимательстве, влияющее на механизм охраны прав предпринимательских структур

Свою лепту в сложности организации комплекса мероприятий по охране прав предпринимательской структуры вносит несовершенство законодательства. Проблема эта общеизвестна, а проводимые мероприятия, именуемые регуляторной гильотиной, пока малоэффективны и ожидаемого эффекта не создают. В результате наличия небольшого числа устаревших, противоречивых, неопределенных, сложно воспринимаемых и иных дефектосодержащих норм создать эффективно функционирующую систему мероприятий гарантированного обеспечения охраны прав предпринимательской структуры практически невозможно.

А ведь есть и откровенные многолетние лакуны в правовом регулировании важных для ряда предпринимательских структур сфер деятельности, например, нет нормативов расчетов экологического ущерба.

Выступая в апреле 2021 г. на совместном заседании Президиума Госсовета и Агентства стратегических инициатив, Президент РФ В.В. Путин предложил по результатам анализа жизненных ситуаций правительству, комиссии Госсовета и АСИ внимательно посмотреть подзаконные акты, ведомственные письма, приказы, инструкции и другие документы в социальной сфере. «Подход здесь должен быть предельно понятным: нужно решительно убирать бессмысленные требования, необоснованные, забюрократические до бесконечности процедуры, абсурдные нормы и правила». В.В. Путин призвал «избавляться от всего, что изматывает, а подчас, надо сказать откровенно, даже унижает

людей, демонтирует и демотивирует коллективы социальных учреждений, снижает эффективность и качество их труда»¹⁵.

Это сказано было в ситуации, когда в целом количество проверок в 2000 г. заметно сократилось, при этом «никакой критической ситуации с точки зрения состояния экономики, безопасности и бесперебойности функционирования ее инфраструктуры не произошло», что означает заведомую избыточность действующей системы контрольно-надзорной деятельности¹⁶.

Есть еще одна сторона несовершенства законодательства о предпринимательской деятельности, препятствующая созданию эффективного комплекса мероприятий по охране прав предприятий, помимо действия устаревших правовых предписаний. Это — их качество. Как пишут СМИ, Институтом государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ повторно проанализирована сложность законодательства Российской Федерации. Эксперты отметили, что оно из года в год становится сложнее для восприятия из-за длины предложений, обилия причастных оборотов и других особенностей текста.

Среди причин — отсутствие фильтров, которые исключали бы слишком сложные формулировки, отсутствие формальных критериев избыточной сложности. Вот что по этому поводу говорит Председатель Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству П. Крашенинников: «Предложения становятся огромными, сплошные запятые и точки с запятыми, мысль становится не видна. Когда тексты перегружены, это плохо и с точки зрения восприятия, и с точки зрения правоприменения. Это препятствует правовой определенности: значит, обязательно будет сбой. Такие сбои несут в себе самые разные риски — от непонимания целей, которым должны следовать правоприменители, до коррупционных возможностей»¹⁷.

Если такова печальная ситуация с законодательством, то что уж говорить о качестве подзаконных, ведомственных и локальных актов. Для предпринимательской структуры это все означает: каков бы не был плох, невнятен, устаревший и проч. нормативный правовой акт, регулирующий ту или иную сферу ее предпринимательской деятельности, пока он не отменен в установленном порядке — он

действует и его необходимо соблюдать. В ином случае соответствующие государственные органы — правоохранительные, контролирующие и иные — вполне реально могут применить меры наказания за неисполнение или за ненадлежащее их исполнение (а при всем желании соблюсти невнятную, со множеством вариантов смыслового содержания норму крайне сложно).

Зачастую непреодолимым препятствием для выработки и приведения в действие комплекса мер по охране предпринимательских прав является **неполная правосубъектность ряда видов предпринимательских структур, а то и их полное отсутствие в соответствующем правовом поле**. Притом что в экономическом пространстве как занимающиеся предпринимательской деятельностью они представлены во всей полноте.

Прежде всего, речь идет о т.н. самозанятых гражданах. Истоки этого явления можно обнаружить в Законе СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности»¹⁸. А широкое распространение оно получило уже на постсоветском экономическом пространстве, будучи погруженным в теневую экономику, и экономической, и политической науками исследуемым в качестве угрозы национальной безопасности государства¹⁹.

Между тем количество самозанятых в стране было огромным, при этом официальной статистикой, государственными регистрирующими, контролирующими и налоговыми органами не фиксируемое. Пожалуй, впервые тревогу по этому поводу на высоком властном уровне забила в 2013 г. вице-премьер по социальным вопросам О. Гордец, указавшая: «Из 86 миллионов трудоспособных россиян работают легально лишь 48 миллионов. А это значит, что почти каждый второй не платит налоги». При этом она пояснила: есть категория населения, не работающие по объективным причинам — это женщины, воспитывающие детей, солдаты-срочники и другие россияне, и за них государство платит и будет продолжать платить взносы. — Но есть целая категория людей, которая не платит налоги, и встает законный вопрос: а кто содержит этих людей?»²⁰ Позже также в официальном издании — в «Российской газете» — было уточнено: работают у нас 41.5 млн, в «сером» секторе трудятся 29–30 млн граждан, и еще 14 млн могли

¹⁵ См.: Росс. газ. 2021, 16 апр.

¹⁶ См.: Галиева Д. Контроль контролеров. Эксперты изучили выполнение моратория на проверки бизнеса // Коммерсантъ. 2021. 22 апр.

¹⁷ Цит. по: Винокуров А., Веретенникова К. Если понят, то не так. Российские законы слишком сложны даже для их авторов // Коммерсантъ. 2021. 5 апр.

¹⁸ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 47, ст. 964. Утратил юридическую силу в связи принятием Постановления ВС СССР от 04.04.1991 г. (см.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 16, ст. 443).

¹⁹ См. подр.: Научные подходы к оценке масштабов теневой экономики и их влияния на национальную безопасность страны. М., 2003.

²⁰ См.: Росс. газ. 2013. 5 апр.

бы работать, но не работают²¹. А несколько позже в том же официальном издании приводится: «Власти “потеряли” 22,5 миллиона трудоспособных россиян – никто не знает, где они и чем занимаются... В России есть регионы, где почти половина работоспособных жителей – нигде не зарегистрированные “призраки”»²².

В юридической научной литературе к проблеме отсутствия легального правового статуса этого многочисленного экономико-правового феномена в 2015 г. обратился автор данных строк²³, позже – другие исследователи²⁴.

Несмотря на усилия исследователей проблематики самозанятых граждан, они и до ныне не легитимны, их нет ни в п. 1, 3 и 4 ст. 23 «Предпринимательская деятельность гражданина» ГК РФ, ни в Законе РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»²⁵. 27 ноября 2018 г. был принят Федеральный закон № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход” в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан»²⁶. Позднее этот эксперимент был распространен на все субъекты Российской Федерации. Но следует отметить, что в тексте названного

²¹ См.: Росс. газ. 2014. 15 июля.

²² Росс. газ. 2014. 14 окт. Там же приведен (в отдельной справке) расчет этого показателя: всего в России в системе обязательного пенсионного страхования зарегистрированы 88.5 млн человек. Это мужчины в возрасте от 16 до 59 лет и женщины от 16 до 54 лет. Из них 49.1 млн – люди, подлежащие социальному страхованию, взносы за них делают либо работодатели, либо они сами их отчисляют как самозанятые. 16.9 млн россиян – это студенты, инвалиды, люди, ухаживающие за пожилыми, военные, судьи – за них страховые взносы не платятся. И осталось как раз 22.5 млн трудоспособных людей, нигде не зарегистрированных.

²³ См.: *Клеандров М.И.* О необходимости обретения незарегистрированным предпринимателем легального статуса // Предпринимательское право. 2015. № 3. С. 3–13.

²⁴ См., напр.: *Бурлак А.В.* К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2016. № 4 (49). С. 173–177; *Бабайцева Е.А.* Соотношение профессиональной деятельности и самозанятости граждан: цивилистический аспект // Современное право. 2017. № 4. С. 51–56; *Костюк И.В.* Занятость и самозанятость как форма доходной деятельности граждан // Росс. журнал правовых исследований. 2017. № 2 (11); *Крылова Е.Г.* Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. 2017. № 6. С. 11–15; *Скруг В.С.* Возможности проблемы легализации самозанятых в условиях цифровой экономики // Экономика труда. 2020. Т. 7. № 11. С. 979–992; *Дацко Ю.М.* Проблемы правового регулирования самозанятых граждан // Молодой ученый. 2020. № 45 (335). С. 81, 82.

²⁵ См.: СЗ РФ. 1991. № 17, ст. 1915.

²⁶ См.: СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I), ст. 7494.

Закона отсутствовало не только понятие «самозанятые», но и само название «самозанятого» лица, хотя именно им и был посвящен этот нормативный правовой акт.

Но ведь нельзя правосубъектность любой предпринимательской структуры определять нормами налогового права. И здесь законодателя стоит похвалить – он избежал данной ошибки. А за то, что до сих пор в законодательстве о предпринимательстве нет положений, определяющих статус самозанятого предпринимателя, хвалить явно не следует.

В юридической литературе указывается: в понятие легитимизации субъектов предпринимательства необходимо включить, помимо государственной регистрации, также и иные механизмы, дополнительно предоставляющие субъекту предпринимательской деятельности особый правовой статус (субъекта малого и среднего предпринимательства – получателя поддержки резидента особой экономической зоны, органа по сертификации, испытательного центра или лаборатории)²⁷. И действительно, самозанятые не могут получить поддержки резидента особой экономической зоны и т.д. Есть у них также и проблемы с получением кредитов, с рассрочкой долгового платежа по причине потери самозанятым дохода, особенно в условиях пандемии, на них не распространяются меры поддержки государством малого и среднего предпринимательства, также в условиях пандемии, им практически невозможно получить земельные участки с целью осуществления необходимой им производственной деятельности (если они не собираются становиться крестьянскими и фермерскими хозяйствами, да и то там есть проблемы с правовым статусом²⁸) и т.д. Но особенно отсутствие этой легитимности проявляется в их полной судебной беззащитности, в отсутствии доступа к судебной защите их прав и/или законных интересов в случае их нарушения и/или оспаривания. Дело в том, что в ст. 2 ГК РФ, где перечислены субъекты гражданских правоотношений, самозанятых нет, и обращаться в суды общей юрисдикции иначе как в качестве физического лица они не могут.

А обращаться в арбитражные суды им бесполезно именно в силу отсутствия у них необходимой предпринимательской правосубъектности, но также бесполезно обращаться в суды общей юрисдикции, поскольку они ведут именно предпринимательскую деятельность. В обоих случаях такая категория в качестве участника спора ни в АПК РФ,

²⁷ См.: *Трофимова Е.В.* Легитимизация субъекта предпринимательства: понятие и правовые механизмы // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 1. С. 52.

²⁸ См. подр.: *Писарев Г.А.* Крестьянское (фермерское) хозяйство как субъект предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. 2013. № 3. С. 21–24.

ни в ГК РФ, ни в ГПК РФ, ни в соответствующем ином федеральном законодательном акте не предусмотрена. То есть получается, в случае нарушения их предпринимательских прав или их оспаривания обращаться за защитой в судебные органы невозможно, что, впрочем, не исключает возможности обращения в иные государственные органы, правда, специально для этого не предназначенные.

А ведь помимо традиционных видов предпринимательской деятельности, которыми занимаются самозанятые граждане, есть и не традиционные, например: водители такси, арендующие автомобили; частные пансионаты для пожилых людей, о которых в СМИ прямо говорят: «Множество центров для пожилых в России из-за отсутствия лицензирования существуют вне правового поля и не имеют определенного статуса»²⁹, и которых только на территории Московской области, как отметил прокурор области С. Забатурин, зарегистрировано не менее 134, в которых проживают более 4.5 тыс. человек³⁰, и др.

Трудно понять, является ли предпринимательской – по своей сути как основанная на определенных трудовых затратах – деятельность по сдаче собственником в аренду жилых помещений и дач, даже если такой собственник встал на соответствующий налоговый учет как самозанятый. Тем более если такую деятельность осуществляют государственные и муниципальные служащие. В ближайшем будущем вообще могут появиться принципиально иные субъекты предпринимательской деятельности – роботизированные системы, искусственные интеллект и т.п. (во всяком случае в 2017 г., как известно, в Саудовской Аравии андроид София получила подданство со всеми вытекающими из этого шедрыми социальными привилегиями).

Разумеется, ситуация, при которой около 20 млн трудоспособных граждан Российской Федерации, самозанятых, из которых 90% не встали (пока?) на налоговый учет, не имеющих легальной предпринимательской правосубъектности, для правового и социального государства недопустимы.

Между тем в Республике Казахстан имеется аналог наших самозанятых в организационно-правовой форме индивидуального предпринимательства. В ст. 30 Предпринимательского кодекса Казахстана (в действующей ред.) она определяется как «самостоятельная, инициативная деятельность граждан Республики Казахстан, кандасов (этнические казахи и (или) члены их семей казахской национальности, ранее не состоящие в гражданстве Республики Казахстан, прибывшие

на историческую родину и получившие соответствующий статус в порядке, установленном законом. – М.К.), направленная на получение чистого дохода, основанная на собственности самих физических лиц и осуществляемая от имени физических лиц, за их риск и под их имущественную ответственность».

Все сказанное здесь о самозанятых означает: обеспечить им собственными силами и средствами комплекс мероприятий по охране своих предпринимательских прав исключительно трудно, если вообще возможно. Необходимо соответствующее законодательное регулирование.

Ко второй группе составляющих, по мнению автора (также в первом приближении), следует отнести: **физическую защиту самой структуры, ее собственников, их руководителей и иных лиц**; угрозу рейдерского захвата активов предпринимательской структуры; необходимость серьезной проверки будущих коммерческих партнеров и ответственных сотрудников, поступающих на работу в данную структуру; обеспечение компьютерной безопасности; опасность перевода экономического спора с участием предпринимательской структуры в уголовно-правовую плоскость; и наконец, такую важную составляющую, как страхование предпринимательских рисков.

Значительной составляющей института охраны прав предпринимательских структур в системе предпринимательского права является обеспечение физической защиты – ее самой (технические, организационные и иные составляющие) и ее «ключевых» лиц (ее собственников, руководителей, ответственных специалистов). Это в целом настолько само собой разумеется, что вроде и не нуждается в правовом регулировании. Но это не так – нужно учитывать действующее «внешнее» регулирование и разработать внутренний, локальный регламент для службы охраны, не позволяющий охранникам обыскивать посетителей, а то и применять к ним необоснованно меры физического воздействия и тем паче стрелять в них.

Сам комплекс организационно-правовых (правовых на локальном уровне) мероприятий по охране прав предпринимательских структур явно будет эффективным, когда он строго индивидуален – в каждой конкретной структуре, что и так, в той или иной форме, осуществляется ныне. Значительную помощь здесь оказывают разнообразные частноохранные предприятия (ЧОП), которые являются предпринимательскими структурами, и эта помощь оказывается на основе соответствующих двусторонних соглашений, также, в свою очередь, являющихся предпринимательскими договорами. Впрочем, подобные соглашения заключают и с органами вневедомственной охраны.

²⁹ См.: Акиньшина Ю. Полный пансион. Сколько стоит комфортная жизнь в зрелом возрасте // Росс. газ. 2021. 18 янв.

³⁰ См.: Росс. газ. 2021. 19 янв.

В любом случае развитие этой составляющей института охраны предпринимательских прав в системе предпринимательского права целесообразно базировать на законодательной основе, не сковывающей инициативу каждой предпринимательской структуры, но создающей надежный правовой фундамент, обеспечивающий эффективность данной составляющей.

Потенциально угрожающей для успешно работающих предпринимательских структур является **реальная возможность их рейдерского захвата**. Это важная составляющая искомого института охраны предпринимательского права. Широко распространенный в 90-е годы прошлого века этот способ физического, а главное — с использованием соответствующих организационных и правовых средств, овладения со стороны оргпреступных группировок (ОПГ) чужими активами и сегодня не исчез полностью. Чему есть свидетельства в средствах массовой информации. Естественно, многие такие «захваты», успешно завершившиеся для ОПГ, остаются для общества неизвестными.

Открытых источников по данной проблеме автору этих строк в последнее время встретить не довелось. Но в начале этого века размах «рейдерских» захватов чужой собственности предпринимательских структур был огромен. Как в 2004 г. отметил В. Гурвич (со ссылкой на источник — Управление экономической безопасности г. Москвы), за последнее время только в Москве было совершено более 300 попыток захвата и недружественных поглощений различных предприятий; практически ежедневно в столице происходит хотя бы одна подобная акция, а по стране таких случаев на порядок больше: в 2002 г. в России произошло 1870 поглощений, из них 76% недружественных, в 2003 г. объем сделок по поглощению вырос на 45% и достиг суммы в 12,9 млрд долл.³¹

Автор настоящей статьи, исследовавший в то время данную проблему³², пришел к следующим выводам:

1. В самих операциях (речь шла уже о целой индустрии) по недружественному поглощению чужого имущества, т.е. в продуманных и осуществляемых в едином комплексе для каждой операции организационных и иных мероприятиях, обычно задействованы прямо, косвенно, опосредованно, «втемную» или иначе целый ряд лиц, в т.ч. должностных, различные предпринимательские

структуры, контролирующие, правоохранительные и судебные органы и не в последнюю очередь криминалитет. Нередко эта скоординированная деятельность в рамках одной операции осуществляется на обширном географическом пространстве — от Владивостока до Калининграда.

2. Нет сомнений в том, что к организации каждого подобного многомерного (в любых исчислениях) криминального мероприятия привлекаются недюжинные умы, не исключено — из научных правовых кругов. Иначе трудно объяснить продуманность, совершенство применяемых на практике схем и комбинаций и масштаб операций.

3. На основании анализа только открытых источников, прежде всего СМИ (тех из них, которые, по авторскому убеждению, не относятся к «желтой» прессе), можно сделать вывод о том, что в операциях, сулящих сверхвысокий доход, используются в комплексе, целиком или в разных комбинациях различные формы правового воздействия: уголовно-правовые, административно-правовые, налоговые, судебные, информационные, личные и иные.

Одновременно приводились в действие продуманные контрмеры, направленные на блокаду мер защитительного характера, применяемых хозяйствующими субъектами, в отношении которых проводится атака по захвату имущества: в органы прокуратуры поступают системно взаимосвязанные, исходящие от различных источников сигналы, заявления и обращения с просьбами и требованиями не допустить «необоснованного» вмешательства правоохранительных, контролирующих, судебных и иных органов, а также других СМИ в «спор хозяйствующих субъектов». В адрес Президента РФ, его Администрации, руководителей федеральных и региональных органов государственной власти, правоохранительных органов направляются соответствующие «открытые письма» от трудовых коллективов, от руководителей разного уровня, в т.ч. и в форме депутатских запросов, от мэров городов и глав муниципальных образований и т.д.; осуществляется и массированное контрнаступление в информационной сфере как через «дружественные» СМИ, так и посредством публикаций «на правах рекламы» в «нейтральных» СМИ.

Ныне количество и размах недружественных поглощений — рейдерских захватов — как «успешных» для захватчиков, так и неудавшихся попыток, резко сократилось.

Но угроза этому вполне реальна, и по некоторым признакам можно уверенно определить — ОПГ в отношении конкретной структуры начала движения, причем по отдельности эти движения внешне не представляя угрозы, но в комплексе... Собственная служба безопасности любой предпринимательской структуры (где она есть) ориентирована

³¹ См.: Политический журнал. 2004. 8 дек. С. 35.

³² См.: Клеандров М. И. Арбитражный процесс и недружественное поглощение собственности: постановка проблемы // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. СПб., 2005. С. 140–150.

в основном на обеспечение физической безопасности, здесь же необходима серьезная аналитическая проработка внешне малозаметных поползновений.

В любом случае и здесь требуется комплекс организационных и локально-правовых мероприятий, гарантированно обеспечивающих на самых дальних подступах препятствия попыткам рейдерского захвата имущества каждой предпринимательской структуры.

Важная составляющая института охраны предпринимательских прав — **выбор и тщательная проверка необходимого предпринимательской структуре коммерческого партнера**, по всем соответствующим показателям, среди которых одним из главных является его надежность, **а также глубокая, по возможности, проверка надежности поступающих на работу в структуру «ключевых» работников и иных специалистов.** С одной стороны, есть понятие коммерческой тайны, с другой — немало создается мошеннических структур, фирм-однодневок и проч. Даже если заинтересованный в информации о кредитной истории, направлениях и эффективности привлекательной ему деятельности субъект предпринимательской деятельности обратится с просьбой представить ему необходимую информацию в соответствующие кредитные организации, в Торгово-промышленную палату, в самоуправляемые организации и т.д., вряд ли он получит эту, очень нужную ему информацию. Ведь нет обязывающего это сделать законодательного предписания.

Необходимость в такой информации у субъекта предпринимательской деятельности возникает не постоянно, даже не часто, ибо большинство из них, не вчера начавших хозяйствовать, есть наработанные хозяйственные связи с проверенными долгой позитивной практикой коммерческими партнерами. Но у вновь созданной предпринимательской структуры таких наработанных связей нет, и в поисках коммерческого партнера ей не сложно наткнуться на мошенников. Кроме того, и при наличии наработанных связей в условиях конкурентного спроса и предложения товаров и услуг предложение со стороны мошенников может выглядеть предпочтительнее предложения, исходя от проверенного бизнес-партнера.

Сходная, в какой-то мере аналогичная ситуация имеет место при приеме в предпринимательскую структуру работников на «ключевые» должности. Субъект предпринимательства проверить, не является ли принимаемый им на работу, пусть даже надежно рекомендованный специалист, «кротом», засылаемым конкурирующей предпринимательской структурой с целью «слива» ей информации, что может ухудшить деятельность работодателя, а то и привести его к банкротству, либо засылаемым оргпреступной группировкой с целью рейдерского

захвата этого субъекта, в нынешних правовых условиях, не прибегая к личным связям и проч., т.е. официально, не может.

Правда, недавно появился некий косвенный проблеск в решении этой задачи. Верховный Суд РФ 22 апреля 2021 г. вынес Определение по делу обанкротившегося ООО «С...», которым фактически разрешает конкурсным управляющим запрашивать в региональном управлении ЗАГС информацию о родственниках контролирующих банкрота лиц³³. Но: а) это Определение Верховным Судом РФ вынесено по конкретному делу и рассматривать его в качестве судебного прецедента невозможно; б) устанавливать обязательные для исполнения правоохранительные требования — вообще не дело судебных органов; в) вместе с тем это сигнал для законодательных органов, свидетельствующий о необходимости заполнить законом выявленную Верховным Судом РФ лагуну в правоприменении.

Достижения научно-технического прогресса, особенно в сфере интернет-технологий, требуют для предпринимательской структуры **обеспечения компьютерной безопасности во всей сфере ее жизнедеятельности**, включая «ключевых» ее сотрудников. Здесь следует учесть, что интернет-технологии стремительно развиваются, а прежние в недавнем прошлом гарантированно надежные способы обеспечения компьютерной безопасности стремительно устаревают или уже устарели. Положение дел здесь осложняется периодическим переводом в небольшой части предпринимательских структур значительного числа сотрудников, в т.ч. «ключевых», на дистанционный режим работы.

В любом случае обеспечение компьютерной безопасности предпринимательской структуры должно ориентироваться на будущее, а с другой стороны — использование достижений компьютерных технологий способно повысить эффективность ряда элементов комплекса мероприятий по обеспечению ее охраны.

Так, вполне надежным и недорогим способом обеспечения охраны жизненно важной для предпринимательской структуры информации, содержащейся в памяти компьютера, является ее постоянное дублирование на дисках (иных ее носителях), отдельных, не подключенных к действующим постоянно компьютерам. Равно система запороления на высоком уровне доступа к информации, содержащейся и постоянно обновляющейся на действующих компьютерах. Для крупных предпринимательских структур эффективным здесь будет являться создание собственной внутренней

³³ См.: Дело № А26-8852/2019.

компьютерной сети, не имеющей выхода вовне этой структуры.

Впрочем, специалистам в сфере компьютерной безопасности все это хорошо известно, как известны и способы обеспечения компьютерной защиты от хакерских атак, от попыток запуска в предпринимательскую структуру компьютерных «червей» и т.д. Наверняка в будущем потребность для предпринимательства в обеспечении ее компьютерной безопасности, охраны ее прав в сфере интернет-технологий будет расти и очень стремительно, что, безусловно, уже сейчас требует высококлассных специалистов данного профиля. В будущем эта потребность будет увеличиваться, и при разработке в предпринимательской структуре комплекса мероприятий по обеспечению охраны ее прав и законных интересов, особенно на долгую перспективу, эту задачу следует воспринимать как первоочередную. Пренебрежение необходимостью обеспечения компьютерной безопасностью в предпринимательской структуре с неопишуемой легкостью, несколькими кликами мышки хакерского компьютерщика способно лишит ее, причем невосполнимо, значительных средств, находящихся на банковских счетах; раскрыть коммерческие, технологические и иные тайны этой структуры; причинить ей иной, иногда – критический ущерб.

Опасность перевода экономического спора в уголовно-правовую плоскость

Уголовной ответственности любых юридических лиц, в т.ч. любой предпринимательской структуры, нет. Но совсем не исключено, что в обозримом будущем в законодательстве Российской Федерации она появится. А ныне для предпринимательской деятельности практически любой предпринимательской структуры немалую опасность представляет необоснованное уголовное преследование ее руководителей и/или собственников.

И размах этих необоснованных уголовных преследований внушителен – как известно, около 45% уголовных дел, возбужденных в отношении предпринимателей, прекращается производством, не доведено до суда. По данным Верховного Суда РФ, в 2020 г. судами было рассмотрено 4.3 тыс. уголовных дел в сфере предпринимательской деятельности; перед судом предстали 4.4 тыс. предпринимателей; дела в отношении 1.6 тыс. были прекращены по различным основаниям; осуждены были 2.7 тыс. человек, из числа осужденных к реальным срокам были приговорены 9%³⁴.

Чаще всего уголовные дела в отношении предпринимателей возбуждаются по ст. 159 «Мошенничество», ст. 160 «Присвоение или растрата», ст. 201 «Злоупотребление полномочиями»

и ст. 198–199² «Налоговые преступления» УК РФ. Иногда функции, возложенные государством на правоохранительные органы, переносятся на предпринимательско-правовое отношение, в отдельных случаях, не исключено, намеренно, в т.ч. ориентируясь на недостаточно проверенные заявления конкурентов проверяемых предпринимательских структур, споры между которыми рассматриваются арбитражными судами.

В борьбе с этими явлениями принимаются определенные правовые меры, к числу которых следует отнести совместное – Генеральной прокуратуры, МВД России, Следственного комитета РФ, ФСБ и ФТС России – указание «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности»³⁵. Этим актом, в частности, прокуроры ориентированы на выявление фактов личной, прямой или косвенной заинтересованности компетентных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Наконец, 24 марта 2021 г. был принят Федеральный закон № 57-ФЗ «О внесении изменений в статьи 81¹ и 164 Уголовно-процессуального кодекса»³⁶, которым аморфное содержание термина «предпринимательская деятельность», позволяющее его запредельно толковать, было заменено конкретной формулировкой: «если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности», заменить словами «если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельностью».

Пожалуй, довольно выпукло образец перевода правоохранительными органами экономического спора в плоскость уголовно-правовых отношений приведен в СМИ (со ссылкой на адвоката В. Пробищева): «Например, по его словам, порой визит людей в погонах вызван не каким-то сигналом о возможном преступлении, а просьбой недобросовестных бизнесменов. Допустим, фирма “Честный подрядчик”

³⁴ См.: Росс. газ. 2021, 26 марта.

³⁵ См. подр.: *Егоров И.* Проверки без пристрастия. Изменился подход к расследованию бизнес-дел силовиками // Росс. газ. 2020. 9 сент.

³⁶ См.: Росс. газ. 2021. 26 марта.

судится в арбитраже с фирмой “Бесчестный заказчик”, и последний, используя свои связи с правоохранителями, договаривается о визите силовиков в офис “Честного подрядчика”. Зачем? Чтобы изъять оригиналы документов: счета-фактуры, акты, договоры. В итоге подрядчик вынужден приходить в арбитражный суд буквально с пустыми руками. А важные для экономического спора документы лежат в столе следователя, пока он возится с придуманным на пустом месте уголовным делом. Дело потом закрывается, документы вернут, но — уже после того, как закончится арбитражный суд»³⁷.

Но не исключено, что правоприменительная практика в этой сфере сможет обойти — в отдельных случаях — названные ограничения. Поэтому в комплексе организационно-правовых мероприятий по охране прав предпринимательской структуры целесообразно: а) любые предпринимательские договоры с партнерами составлять в форме, исключающей возможность (как минимум минимизировать ее) перевода контрагентом в будущем экономического спора в плоскость уголовно-правовых отношений; б) соглашения, объединяющие активы двух предпринимательских структур, заключать так, чтобы владение ими не было в форме 50 на 50, хоть на один процент активов во владении охраняющей свои права и интересы предпринимательской структуры должно быть больше; в) в процессе заключения предпринимательского договора провести в доступных формах и имеющимися возможностями аудит будущего контрагента с целью выявить его надежность, неконфликтность и проч.

К числу основных организационно-правовых мероприятий по охране прав и интересов предпринимательских структур следует отнести **страхование предпринимательских рисков**. Как закреплено в п/п. 3 п. 2 ст. 929 ГК РФ, по договору страхования предпринимательского риска может быть застрахован риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по независящим от предпринимателя обстоятельствам, в т.ч. риск неполучения ожидаемых доходов.

Действующее законодательство в сфере страхования представляет предпринимательской структуре возможности страхования по широкому спектру предпринимательских рисков. Например: нарушение условий договорных обязательств контрагентами; вынужденные, независящие от усилий предпринимательской структуры, простой оборудования; незапланированные расходы, связанные с техногенными факторами и потерянными инвестициями; резкое падение спроса на изготавливаемую предпринимательской структурой продукцию и/

или оказываемые услуги; банкротство предпринимательской структуры; природные и техногенные катастрофы; преступные действия третьих лиц; политические события, приведшие к терактам, безработице, забастовкам и митингам; блокирующие деятельность предпринимательской структуры; аварии на производстве, а также несчастные случаи, включая гибель персонала, и др.

При наступлении страхового случая страховые компании выплачивают предпринимательской структуре, с которой заключен страховой договор, сумму, обусловленную условиями этого договора. Однако нужно учитывать, что любая страховая компания — это тоже предпринимательская структура, имеющая свои коммерческие интересы. Поэтому она (ее специалисты) тщательно проверяет: был ли в действительности страховой случай; нет ли в наступлении страхового случая виновных действий работников застрахованного; не имел ли место естественный износ оборудования у застрахованного и т.д.

При этом следует учесть, что за короткое время, после перевода экономики Российской Федерации на рыночные рельсы, сложилась весьма развитая система страхового законодательства и еще более развитая соответствующая правоприменительная практика. Так что целесообразно эту составляющую института охраны предпринимательских прав в деятельности каждой предпринимательской структуры создавать по возможности с помощью профессионалов.

* * *

Есть, разумеется, и иные составляющие института охраны прав предпринимательских структур. Научные исследования в этом направлении, безусловно, обеспечат безопасность в экономике и снизят число нарушений прав предпринимателей, чем повысят эффективность правового регулирования отношений в сфере экономики Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева Е. Ш.* Институт охраны и защиты прав предпринимателей: сравнительно-правовое исследование законодательств России и Англии. М., 2015.
2. *Акиньшина Ю.* Полный пансион. Сколько стоит комфортная жизнь в зрелом возрасте // Росс. газ. 2021. 18 янв.
3. *Бабайцева Е. А.* Соотношение профессиональной деятельности и самозанятости граждан: цивилистический аспект // Современное право. 2017. № 4. С. 51–56.
4. *Бурлак А. В.* К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2016. № 4 (49). С. 173–177.

³⁷ Куликов В. Железный свидетель. Следователям запретили изымать компьютеры, документы и другие вещдоки при обыске фирм // Росс. газ. 2021. 26 марта.

5. *Винокуров А., Веретенникова К.* Если понят, то не так. Российские законы слишком сложны даже для их авторов // *Коммерсантъ*. 2021. 5 апр.
6. *Галиева Д.* Контроль контролеров. Эксперты изучили выполнение моратория на проверки бизнеса // *Коммерсантъ*. 2021. 22 апр.
7. *Дацко Ю. М.* Проблемы правового регулирования самозанятых граждан // *Молодой ученый*. 2020. № 45 (335). С. 81, 82.
8. *Егоров И.* Проверки без пристрастия. Изменился подход к расследованию бизнес-дел силовиками // *Росс. газ*. 2020. 9 сент.
9. *Клеандров М. И.* Арбитражный процесс и недружественное поглощение собственности: постановка проблемы // *Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства*. СПб., 2005. С. 140–150.
10. *Клеандров М. И.* О необходимости обретения незарегистрированным предпринимателем легального статуса // *Предпринимательское право*. 2015. № 3. С. 3–13.
11. *Клеандров М. И.* Разрешение хозяйственных споров в агропромышленных и территориально-производственных комплексах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1987. С. 315–387.
12. *Костюк И. В.* Занятость и самозанятость как форма доходной деятельности граждан // *Росс. журнал правовых исследователей*. 2017. № 2 (11).
13. *Крылова Е. Г.* Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // *Юрист*. 2017. № 6. С. 11–15.
14. *Куликов В.* Железный свидетель. Следователям запретили изымать компьютеры, документы и другие вещи при обыске фирм // *Росс. газ*. 2021. 26 марта.
15. *Лантев В. В.* Предмет и система хозяйственного права. М., 1969. С. 143, 146.
16. Научные подходы к оценке масштабов теневой экономики и их влияния на национальную безопасность страны. М., 2003.
17. *Писарев Г. А.* Крестьянское (фермерское) хозяйство как субъект предпринимательской деятельности // *Предпринимательское право*. 2013. № 3. С. 21–24.
18. *Попондопуло В. Ф.* Коммерческое (предпринимательское) право: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 443–482.
19. *Предпринимательское право: учеб.* / отв. ред. Р. А. Курбанов. М., 2019. С. 794–812.
20. *Предпринимательское право России: библиография: учеб.-метод. пособие* / отв. ред. Е. П. Губин, Ю. С. Харитонова. М., 2019.
21. *Предпринимательское (хозяйственное) право: учеб.* / под ред. В. В. Лаптева, С. С. Занковского. М., 2006.
22. *Российское предпринимательское право: учеб.* / отв. ред. И. В. Ершова, Г. Д. Отнюкова. 4-е изд. М., 2012.
23. *Скруг В. С.* Возможности проблемы легализации самозанятых в условиях цифровой экономики // *Экономика труда*. 2020. Т. 7. № 11. С. 979–992.
24. *Словарь русского языка* / сост. С. И. Ожегов. М., 1975. С. 210, 444, 445.
25. *Советское хозяйственное право. Библиографический указатель (1959–1979)*. Донецк, 1980. С. 113–123.
26. *Трофимова Е. В.* Легитимизация субъекта предпринимательства: понятие и правовые механизмы // *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2015. № 1. С. 52.
27. *Хозяйственное право. Общие положения* / под ред. В. В. Лаптева. М., 1983. С. 256, 266.
28. *Шохин А. А.* Хозяйственно-правовая охрана имущества производственных объединений в промышленности СССР. Горький, 1977. С. 745.

REFERENCES

1. *Ageeva E. Sh.* Institute of Protection and Protection of the rights of entrepreneurs: a comparative legal study of the laws of Russia and England. M., 2015 (in Russ.).
2. *Akinshina Yu.* Full board. How much does a comfortable life in adulthood cost // *Russ. newspaper*. 2021. January 18 (in Russ.).
3. *Babaytseva E. A.* Correlation of professional activity and self-employment of citizens: civil aspect // *Modern law*. 2017. No. 4. P. 51–56 (in Russ.).
4. *Burlak A. V.* On the question of the concept of “self-employed citizens” // *Herald of the Omsk University. Ser. “Law”*. 2016. No. 4 (49). P. 173–177 (in Russ.).
5. *Vinokurov A., Veretennikova K.* If it is understood, then it is not so. Russian laws are too complicated even for their authors // *Kommersant*. 2021. 5 Apr. (in Russ.).
6. *Galieva D.* Control of supervisors. Experts have studied the implementation of the moratorium on business inspections // *Kommersant*. 2021. 22 Apr. (in Russ.).
7. *Datsko Yu. M.* Problems of legal regulation of self-employed citizens // *Young scientist*. 2020. No. 45 (335). P. 81, 82 (in Russ.).
8. *Egorov I.* Checks without bias. The approach to the investigation of business cases by the security forces has changed // *Russ. newspaper*. 2020. September 9 (in Russ.).

9. *Kleandrov M.I.* Arbitration process and unfriendly absorption of property: problem statement // Theoretical and practical problems of civil, arbitration and enforcement proceedings. SPb., 2005. P. 140–150 (in Russ.).
10. *Kleandrov M.I.* On the need for an unregistered entrepreneur to acquire a legal status // *Business Law*. 2015. No. 3. P. 3–13 (in Russ.).
11. *Kleandrov M.I.* Resolution of economic disputes in agro-industrial and territorial-industrial complexes: dis. ... Doctor of Law. M., 1987. P. 315–387 (in Russ.).
12. *Kostyuk I.V.* Employment and self-employment as a form of profitable activity of citizens // *Russ. journal of legal researchers*. 2017. No. 2 (11) (in Russ.).
13. *Krylova E.G.* Features of economic regulation of entrepreneurial activity of the self-employed in Russia and abroad // *Yurist*. 2017. No. 6. P. 11–15 (in Russ.).
14. *Kulikov V.* Iron witness. Investigators were forbidden to seize computers, documents and other evidence during the search of firms // *Russ. newspaper*. 2021. March 26 (in Russ.).
15. *LapteV V.V.* The subject and system of Economic Law. M., 1969. P. 143, 146 (in Russ.).
16. Scientific approaches to assessing the scale of the shadow economy and their impact on the national security of the country. M., 2003 (in Russ.).
17. *Pisarev G.A.* Peasant (farmer) economy as a subject of entrepreneurial activity // *Business Law*. 2013. No. 3. P. 21–24 (in Russ.).
18. *Popondopulo V.F.* Commercial (Business) Law: textbook. 3rd ed., reprint. and additional M., 2008. P. 443–482 (in Russ.).
19. *Business Law: textbook / ed. by R.A. Kurbanov*. M., 2019. P. 794–812 (in Russ.).
20. *Business Law of Russia: bibliography: educational and methodical manual / ed. by E.P. Gubin, Yu. S. Kharitonova*. M., 2019 (in Russ.).
21. *Business (Economic) Law: textbook / ed. by V.V. Laptev, S.S. Zankovsky*. M., 2006 (in Russ.).
22. *Russian Business Law: textbook / ed. by I.V. Ershov, G.D. Otnyukov*. 4th ed. M., 2012 (in Russ.).
23. *Skrug V.S.* Possibilities of the problem of legalizing the self-employed in the digital economy // *Labor economics*. 2020. Vol. 7. No. 11. P. 979–992 (in Russ.).
24. *Dictionary of the Russian language / comp. S.I. Ozhegov*. M., 1975. P. 210, 444, 445 (in Russ.).
25. *Soviet Economic Law. Bibliographic index (1959–1979)*. Donetsk, 1980. P. 113–123 (in Russ.).
26. *Trofimova E.V.* Legitimization of the business entity: the concept and legal mechanisms // *Herald of Kutafin University (MSLA)*. 2015. No. 1. P. 52 (in Russ.).
27. *Economic Law. General provisions / ed. by V.V. Laptev*. M., 1983. P. 256, 266 (in Russ.).
28. *Shokhin A.A.* Economic and legal protection of the property of industrial associations in the industry of the USSR. Gorky, 1977. P. 745 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, Институт государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia